

Наше счастье, наша сила и гордость

Родина!
Отвагу и вдохновение вселяет мысль
в тебе в сердце советского человека...

Подвиги, потрясшие мир небывалым
своим героизмом, труд, изменивший весь
облик шестой части земного шара, творче-
ство, озаряющее человеческие души светом
высокой мысли и благородной красоты, —
рождены душой о Родине, верной и безза-
ветной любовью к родной земле.

Наша страна, созданная тридцать лет
назад победоносным и раскрепощенным на-
родом, стала оплотом всего передового че-
ловечества, опорой мирового прогресса и
цивилизации. Созидательная страсть боль-
шевизма, гениальная сила ленинско-
сталинского предвидения, непреодолимая
воля и неустанный самоотверженный труд
миллионов свободных людей воплотились в
прекрасные и стройные формы первого в
истории государства трудящихся, в свобод-
ное содружество разноязычных и разнопле-
менных народов, — в несокрушимую креп-
ость Союза Советских Социалистических
Республик.

Радостно сознавать себя сыном такой
страны, и счастье сознание это вселяет
новые силы и неустранимо ведет вперед.

Люди страны Советов открыты далекие
горизонты завтрашнего дня. Трудясь на
любом участке великой стройки, советский
человек видит перед собой чертеж всего
возможного будущего, — он видит собствен-
ное будущее и будущее мира.

Даром прозрения наделила нас партия
большевиков, наука, созданная Лениным и
Сталиным.

Руководимый партией, советский народ
за тридцать лет провел свою страну по ги-
гантскому пути — от средневековой отста-
лости к превращению в могущественную
социалистическую индустриальную дер-
жаву.

Народная власть, утвердившаяся в нашей
стране, впервые в истории сумела спра-
ведливо разрешить национальный вопрос и,
по сталинскому слову, гармонически соче-
тать национальные традиции народов и
общие жизненные интересы всех тру-
дящихся, сплотив все нации и народности
в единую братскую семью. Любовь совет-
ского гражданина к своей отчизне — это
новая, высшая форма патриотизма. И по-
тому так велика вдохновляющая, созидате-
льская сила этой любви.

За тридцать лет существования Совет-
ского государства на нашей земле выросло
новое поколение людей. Общие великие
творческие цели объединяют этих людей,
общие идеалы руководят их поступками, в
единую несокрушимую силу слиты инди-
видуальные усилия каждого из них. Их
светоч — партия. Пример для них —
Ленин и Сталин. И потому нет в мире сил,
которые могли бы поработить советско-
го человека, сокрушить его волю.

Тридцать лет нашей истории — это ве-
личественная повесть о том, как раскрепощен-
ные люди, взявшие власть в собственные
руки, руководимые партией большеви-
ков и вооруженные величайшей силой
ленинско-сталинского предвидения, не
только сумели отстоять свою свободу и
независимость, но и пришли к социализму,
а теперь неустранимо продолжают движение
вперед, к вершинам коммунизма.

Поступь истории повседневно напоми-
няет о том, что могучая наша страна вы-
стает над всем миром, как яркий маяк на-
дежды, указывающий всему человечеству
единственно верный путь к давно желан-
ному счастью.

В этом — источник вдохновения; в
этом — сила, рождающая массовый геро-
изм в бою и в труде; в этом гордость и сча-
стье советского человека.

Величие нашей Родины с особой силой
и ясностью ощущается именно теперь, ко-
гда капиталистический мир не может
оправиться от недавних потрясений мнущей-
ся войны, в то время как люди советской
державы со спокойной верой в будущее, с
верой, порожденной и укрепленной всей
тридцатилетней историей своего государ-
ства, не только закладывают страшные рамы
войны, но и продолжают неустранимо дви-
жение вперед, поднимаются на новые вы-
соты, к расцвету и изобилию, недоступному
для тех, кто скван цепями буржуазного
строга.

Мы всегда были уверены в своей праве,
в справедливости того пути, который
был указан нам партией большевиков и
великими нашими вождями. Сегодня история
с небывалой наглядностью утверждает
нас в сознании этой правоты: мы видим,
что лишь те народы, которые после войны
решительно пошли на свет маяка, зажженного
нами, — обрели высокое счастье, созидате-
льного труда, ясное сознание цели,
уверенность в завтрашнем дне.

Первая мировая война вырвала из пепла
капитализма такое крупное звено, какою
была парская Россия. Вторая мировая вой-
на ослабила капитализм еще больше, выр-
вала новые звенья из пепла скопывшей
мир: возникли страны новой демократии,
окреп фронт борьбы за счастье и свободу
человечества.

И в этом мы
также с гордостью
видим силу наше-
го государства, пло-
ды тридцатилет-
них усилий совет-
ских людей, вдох-
новляющую силу
большевизма, тор-
жество ленинско-
сталинского пред-
видения.

Фашизм явился предсмертной судорогой
капиталистического мира: костенящая рука
хватала свободное человечество за
горло, пыталась утащить его за собою в мо-
гилу. Подвиг миллионов советских людей
освободил мир от страшной угрозы. Но
вновь корчится в судороге капитализм.
Вновь душит он свободную мысль, вновь
заседают средневековые трибуналы, ввер-
гая в тюрьмы и посылая на смерть борцов
за свободу. Отвратительный призрачный
фашизм поднимается из-за океана, изкликает
новую войну на измученный мир, пытаясь
лишить смысла подвиг погибших и отнять
у живых заслуженное право на счастье.

Этой страшной угрозе противопоставит спо-
койная и уверенная мощь Советского госу-
дарства. Плечом к плечу с нами встанут в
боевой строй страны новой демократии. С
нами — сердца миллионов лучших людей
во всем мире. С нами все, кого волнует
судьба человечества.

И это единение сил, противостоящих
врагам свободы, стало возможным благода-
ря тому, что тридцать лет существует Со-
ветский Союз — незаменимый оплот мира и
справедливости на земле.

Если не сможет опять ворваться в мир
смертоносный вихрь гибели и разрушения,
порождаемый капитализмом, то главная
причина этому — существование нашего
государства, несокрушимая мощь Совет-
ского Союза.

«Есть на свете Москва!» «Есть на свете
Сталин!» — эти слова на протяжении трех
десятилетий поддерживают в сердцах угне-
тенных людей всего мира решимость в
борьбе и вселяют веру в победу.

Сила Советского государства порождена
тем, что за тридцать лет его существова-
ния советские люди сроднились и срослись
со своей коммунистической партией, что в
труде и в бою объединяют всю свою силу
и волю партийные и непартийные боль-
шевики.

Авторитет коммунистов неизмеримо вы-
рос и во многих странах за рубежом. «Те-
перь, — как сказал В. М. Молотов, — и
в других странах нередко можно встретить,
что коммунисты, как руководители, поль-
зуются доверием широких масс народа. Это
только доказывает, что уроки жизни не
проходят даром. Значит, земля не только
вертится, но можно сказать, что она не
зря вертится и что она имеет свой путь
вперед, к своему лучшему будущему».

Неумолимое развитие истории несет с
собой гибель капитализму. Потому все
яростнее звучит постыдный и дивный хор
поджигателей войны, пытающихся еще
раз задержать человечество на пути к сча-
стью и повернуть историю вспять.

Но когда над свежими могилами погиб-
ших воинов вновь раздастся хриплый вой
шалафов, подобных всем этим далесам и
черчлалам, когда тайные и явные фаши-
сты наперевод пытаются припугнуть на-
роды мира атомной бомбой, истонными сна-
рядами полицейских машин, ревом самолето-
в, перевозающих оружие в Грецию и в Япо-
нию, в Индонезию и на Балканский Восток,
мир услышал трезвые, успокоительные
слова, полные уверенной силы и уничто-
жающего сарказма:

«Между желанием империалистов раз-
вязать новую войну и возможностью орга-
низовать такую войну — дистанция огром-
ного размера»...

Беспримерно почтен, высоко ответстве-
нен долг тех, кому дано словом своим вы-
ражать мысли и устремления советского
народа, нести в мир великую правду ком-
мунизма.

Главы и ничтожны все толки прислуж-
ников буржуазии, пытающихся приписать
советского писателя клеветой о его «не-
свободе».

Заказ народа — гордость советского пи-
сателя и чистейший источник его вдохно-
вения. Партизанность паших книг — высочай-
шее проявление творческой свободы,
потому что это единственное средство борь-
бы за кровное дело всей своей жизни, уча-
стие в борьбе за судьбу мира.

«Томы партийных книжек», услышан-
ных миром и принятых на вооружение
легиями борцов за счастье человече-
ства, — итог тридцатилетнего существова-
ния советской литературы, счастье, гор-
дость и сила советского писателя.

Центральный Комитет Всесоюзной ком-
мунистической партии обратил к творче-
скому отряду советской интеллигенции сло-
ва призыва:

«Работники литературы, искусства, ки-
нематографии! Создавайте высококачествен-
ные художественные произведения, достойные
великой советской эпохи!»

В словах этих выражено не только вы-
сокое доверие Родины.

В них выражено и величие собственного
сердца художника.

И это поручка тому, что призыв воплот-
ится в новые томы книг, в новые оружие
борьбы за счастье человечества, прозвонит
над миром новым песней, славящей нашу
великую Родину, бессмертные дела ее на-
рода, созидательную силу партии, гений
Сталина, ведущий нас к новым и новым
победам.

Итак, в сборник вошли очерки: «Секретарь
райкома» В. Кетлицкой, «Большая огни»
А. Славского, «Вступление в поток»
А. Славского, «Встреча с лауреатом Ста-
линской премии А. Кузнецова», «Мирная зем-
ля» М. Жестева «Фабричная линия»
В. Виноградина, «Восхождение на гору»
В. Дружинина, «Знак прочности» И. Кол-
тунова, «Колос Большой и Колос Маленький»
В. Карпа, «Дым над Колыменом»
А. Вейлина, «Мастера доброй профессии»
А. Зинина, «Он выполнял пятилетку» А. Ро-
зена, «Балтийская марья» В. Кочегова,
«Подаяние матери» Т. Троицкой, «Актриса»
Д. Славенковой, «Школа Гирголава»
С. Фридриха, «Метростроевцы» И. Инина,
«Абсолютный чемпион» И. Бражинна.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 52 (2367)

Среда, 5 ноября 1947 г.

Цена 40 коп.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Накануне парада

Все нарастает
торжественный гуд —
это опять
от Нескучного сада
танки на Красную площадь
идут —
ночью,
за несколько дней до парада.

Напоминала
окраской своей
майские нивы
и рожи густые,
также иду
меж полуденных огней
грозовые танки
Советской России.

Мир никогда
не забудет о том,
как, сотряса
высоты и дали,
танковых армий
стальным кулаком
в двери Германии
мы постучали,
как по дорогам
великой весны
за удравшими ордами
следом,
через пожары
немецкой страны
вы пронеслись,
колесницы победы.

Над синевой
океанской волны
носятся волны
насилья и злобы,
Капля за каплей
тучи войны
копятся в сейфах
страны небоскребов.

Но никогда они
не затмят
мирых созвездий
отчизны свободы.
Наши колхозы
ночами не спят,
ночью работают
наши заводы.

Мы отвечаем
ораве лжешов —
шумом спокойным
полей колосистых,
речью Вышинского,
хором гудков,
гулом машин
и молчаньем танкистов.

Молот и штык,
оборона и труд
ночью предпразднично
шестуют рядом.

...Мимо заводов
и фабрик идут
танки
за несколько дней до парада.

«Год XXX»

Всем памятна книга издававшегося до
войны горьковского альманаха «Год XVI»,
«Год XVIII», «Год XX» и др. Скоро совет-
ские читатели снова увидят книгу аль-
манаха с этим хорошо знакомым названием,
«Год XXX» — коллективная книга совет-
ских писателей о советском человеке, о
наших днях.

Сорок писателей — авторов альманаха
«Год XXX» — путешествовали по нашей
стране, изучали жизнь, чтобы поведать о
самоотверженном героическом труде совет-
ского человека, о его высоком патриотизме,
о благородных качествах его характера.

Среди полученных редакцией альманаха
рукописей есть замечательные человече-
ские документы, написанные самими геро-
ями социалистической стройки. Глубокий ин-
терес и законное чувство национальной гор-
дости вызывают в каждом советском чита-
теле записки известной трактористки
П. Ангелиной «О самом главном». О людях
Запорожского раскопки на страницах аль-
манаха А. Бек, о шахтерах Донбасса —
Б. Галин. С послевоенными «Письмами то-
варищу» обращается к читателю Б. Горба-
тов. О новой культуре старого города по-
вествует А. Каравеева, побывавшая в Улья-
новке. О колхозах Кубани рассказывает
А. Первенцев, о людях сегодняшней Киргиз-
ии — В. Гроссман, о колхозах Алтая —
С. Крушинский, Е. Кононенко повествует
о сельских учителях Ярославщины, А.
Мкртчан — об армянах иммигрантах в
СССР, А. Бельман — о героях восста-
новения Днепротреста, А. Платонов — о пер-
венстве советской электрификации — Каши-
рин, Г. Фин — о новаторах советской с. х.
науки и т. д.

В альманахе будут помещены также
произведения многих советских поэтов и в
частности, новая поэма В. Игнатьева «Путь
воды».

Отдел публицистики, в котором участ-
вуют академик Т. Лысенко, Д. Заславский,
И. Нович, Н. Погодин, И. Аркин, Л. Су-
боцкий и др., посвящая многим актуаль-
нейшим проблемам современности.

Книгу альманаха откроют статья А. Фа-
леева о советском человеке и очерк
В. Вишневского «Кремль».

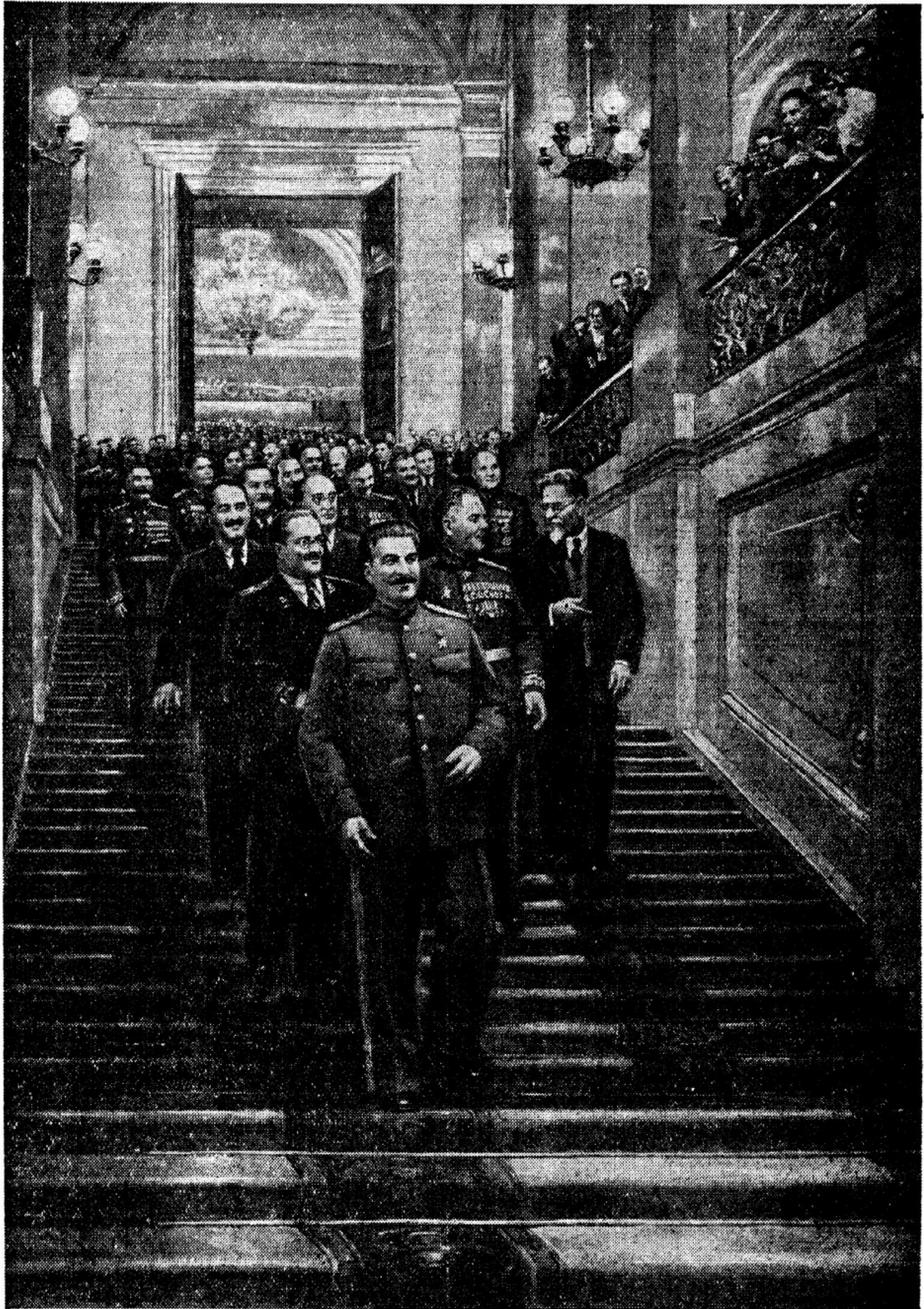
Расул ГАМЗАТОВ

Однажды утром

Однажды утром
меня спросила:
«Сын, скажи мне,
был ли вновь войне
Я нынче слезы влагла во сне,
Я слышу шум, я двери затворила».

«Не бойся, мама,
этот шум — лишь шорох
пушай твоих, не беспокоят спов.
То жабы какают в своих гнилых озерах
и япугать хотят
степных орлов».

Перевел с аварского
Наум ГРЕБНЕВ.

«В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ 24 МАЯ 1945 ГОДА»

Картина худ. Д. НАЛЬБАНДЯНА

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Красная площадь. Много, очень много
связывает с ней советского человека. Она,
как целая страна, со своей историей, на-
полненной горечью страданий и радостью
побед. Она дорога и любима, как Родина,
и у каждого советского человека, где бы он
ни родился, кто бы он ни был, мысль о
Родине связывается с Красной площадью.

Дети из далеких сибирских сел, которые
никогда не видели Красной площади, ри-
суют зубчатые стены Кремля. Поэты слагают
стихи о Красной площади, и парадные пев-
цы в далеких горах и знойных степях вос-
певают ее, как символ братства и един-
ства.

Как в храм гордости, как в цитадель
революции, как в свой родной дом, при-
ходят на Красную площадь прославленные
сыны народа, мастера и новаторы жизни,
и бережно ступают по ее торцам.

В торжественные, праздничные дни по
Красной площади проходит роллой Сталин
и с мавзолея Ленина ласковой мудрой
улыбкой встречает ликующее народное
море.

Здесь, в мавзолее спит великий Ленин.
Выполнена великая клятва Сталина,
данная тебе, родной Пляк! Могуче и
несокрушимо светлеет здание социализма.
Не страшны ему враги.

Сюда, на Красную площадь, к твоему
мавзолею, лучшие сыны народа, как ра-
порт побед, принесли и бросили на землю
низвергнутые знамена гитлеровской импе-
рии.

Стены Кремля хранят неугасимые сердца
творцов Октябрьской революции. Здесь
неутомимый Яков Свердлов, рыцарь револю-
ции — стальной Феликс Дзержинский,
мудрый полководец Красной Армии Михаил
Фрунзе, пламенный, незабвенный Сергей
Бирюков, командир первых сталинских па-
тильков Сергей Орджоникидзе, здесь совет-
ской литературы, великий гуманист, гор-
дость всего передового человечества Мак-
сим Горький, здесь слава нашей авиации
Валерий Чкалов, здесь родной Михаил Па-
влович Балинин. Здесь вы, вечно живые
строители социализма. Миллионы совет-
ских людей проходят по Красной площади
и рапортуют вам.

Выстоял твой героический Ленинград,
дорогой Сергей Миронович! Гром тысяч фа-
шистских орудий не мог заглушить одного
выстрела «Авроры». Попржему в жилах
ленинградцев течет кровь путепловцев,
штормовавших Зимний дворец.

Спи спокойно, Феликс Эдмундович, твои

Петрусь БРОВКА

Моя отчизна

Моя отчизна — реки, нивы,
Над Неманом зеленый гай,
Пригожий Брест
И Минск шумливый —
Вся Беларусь из края в край,
Люблю ее леса,
Озера,
Но, сколько б их ни воспевай,
Когда б не знал других просторов,
Я, верно бы, затосковал.
Я люблю любовью сына
Памир,
Подташину,
Сибирь,
Ты слита в сердце воедино,
Отчества родная ширь,
Москва моя, твой свет кристален,
Ты вся, как солнечный восход!
Моя отчизна —
Ленин, Сталин,
Их ясных дум орлиный взлет!

Перевел с белорусского
Я. ХЕЛЕСКИНСКИЙ

Валерия ВАЛЬСЮНЕНЕ

Советская страна

Я в широких морях многоводных,
В золотой и зеленой листве,
И в огромных просторах свободных,
И в песчинке малой — Литве.

Ройте горы — найдете богатство,
Нефть найдете в морской глубине.
С теми я, кому дорого братство,
С теми я, кто доверялся мне.

Я друзей своих не сосчитаю
В каждом городе, в каждой стране.
С каждым утром я вновь встаю,
С каждым днем я сильнее вдвойне.

Это сталинский гений волшебный
Так высоко меня превознес.
Гими ему я слагаю хвалебный,
И доносится песня до звезд.

Ленин путь начертал предо мною,
Сердце чуток звенит, как струна.
Я цвету с молодое весною,
Я — Советская наша страна.

Перевела с литовского
С. МАР.

«Ленинградцы»

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Вышел сиг-
нальный экземпляр юбилейного сборника
«Ленинградцы», подготовленного ленин-
градским отделением Союза советских пи-
сателей к 30-й годовщине Великой Октяб-
ря. Редакционная коллегия сборника (В. Са-
рянов, В. Кетлицкая, А. Зонин и Г. Сороч-
кин) в предисловии к книге говорит:
«Равне не благодарная задача — создать
летопись дел ленинградцев и рассказать о
них самим? Разве не важно поведать о
людях ленинградских институтов, лабора-
торий и конструкторских бюро, о инжене-
рах, создающих уникальные машины и при-
боры, корабля и станки, прокладывающих
тоннели метро и газопроводы, осущающих
болота, раскрывающих богатство недр, воз-
водящих новые заводы и дома?»
Конечно — да, в этом главная задача ле-
нинградских литераторов. Новая мораль,
новые устои государственного сознания,
новые достижения творческой мысли соз-
даются рядом с нами. По соседству живут

Мир свободного труда

Страна нашей души

1.

В канун больших праздников, это — особые дни, освещенные приближением самого праздника, восходящим светом заслуженной радости. И в канун мы привыкли особенно дружно, особенно ярко трудиться.

В старое время, когда рамки мира замыкались для человека четырьмя стенами дома, хозяйка устраивала «дым коромыслом», скребла и мыла, чистила и наводила бланк, жарила и варила, а в доме, в сенях, как в банке, стоял влажный дух распаренного венка, отмытого пола, — и знал человек, заноса ногу над порогом, что здесь все готовится, убирается к празднику. Сейчас, когда мир разомкнул для нас стены дома, и весь необъятный Союз стал собственным домом для нас, — эта знакомая прелесть кануна не исчезла, а бесконечно расширилась, сблизилась сердца не двух соседей, не членов своей семьи, родных и знакомых, а миллионов людей, тысячи коллективов рабочих, районов и республик, в подвиге соревнования, в радостной переключке, в ревнивой страсти труда, в горячке особого, нашего, любимого кануна.

Большой дом наш убирается, чистится, любовно готовится к празднику. Миллионы подарков сделаны родной стране, и каждый старается превзойти другого в шедь-отделе, в высоком искусстве дара.

Вот наступил долгожданный большой праздник. В торжественной тишине дня вышли с семьей на празднично-нарядную улицу. В любую погоду, — снежок ли кружится, солнце ли выжигало над крышами, — тишина большого праздника стоит над родным городом, полная какой-то особой, сосредоточенной мысли, как после исполнения великой симфонии в зале, — ты вдруг всем существом своим понимаешь, что с тобой произошло нечто большое, может быть, и не сразу название подберешь.

Что же произошло? Ты взошел на новую ступень. Ты приобрел нечто, вчера еще у тебя не бывшее. Переключкой со всею Родной в дни кануна, сосредоточением своей энергии на выполнении поставленной задачи, учетом всего, что было сделано, ясным представлением того, что еще надо сделать, сравнением с делами и опытом других, невольной и неизбежной внутренней оценкой пройденного пути своего — ты приобрел новую долю самопознания, шагнул на более высокую ступень его. Так иногда, глядя на пестряк больших стальных часов, видишь человек, как, взоргуясь, погнувшись вперед стрелка, словно передавая невиданной рукой: она отменяла время, которое уже прошло.

Мало создавать новый мир, выковывать новое общество, менять облик земли, накапливать мощь и богатство ее, перевоплощать ветхого Адама в нового человека, — нужно еще и осознать созданное тобой, чтобы явнее видеть в свое место на земле, в славу своего народа, и следующий шаг в будущее.

Таких актов самопознания встанет сейчас перед нами вступившие тридцать лет строительства нашей страны, превращения ее из аграрной и отсталой — в самую передовую, самую сильную, единственную в мире страну социалистической индустрии. Слово большая книга, раскрывается перед нами недавнее прошлое, в котором мы сами участвовали. Мы дышали его бессмертным воздухом, прощая по его пути, видели его легендарных творцов.

Некогда зрительный талант Шекспира искал себе по плечу героев в старинных хрониках; но в канне нашего тридцатилетнего бытия найдется материал для тысячи Шекспиров. Даже сухие обзоры этих лет не могут, например, обойти одну встречу, одну беседу, происшедшую в первые годы советской власти. Она полна такого реального драматизма и в то же время так уже обращается к нам живым мифом, образом искусства, высокохудожественной силой заключенного в ней контраста, что исторический смысл ее на глазах нашей эпохи, нашего поколения превращается в произведение величайшего искусства.

Два человека, о которых я говорю, — один простой и скромный, знающий и дорогой до каждой черточки в облике и одежде, человек, виденный нами, слышанный, живший под одним небом с нашим народом — творец новой истории человечества, величайший гений современности, Владимир Ильич Ленин. А другой — не простой, и не скромный обыкновенный писатель, а автор «Машин времени», романа, в котором он попытается загнать вперед и предсказать будущее, — Герберт Уэллс.

Только что кончилась гражданская война, была чудовищная разруха и нищета, люди едали в тешушках, где не было пещек, заплатами крышы вагонов и вагоны с выбитыми стеклами, слезали на заметных снегом станциях. Москва лежала в белой тишине, заметанная, темная, на лестничках не горел свет, в магазинах не было продуктов, но огни горели над театрами и в театр ходили бесплатно, не снимая полшубка, в валенках.

Герберт Уэллс увидел страну в разрухе, — и это показалось ему концом. Он захотел увидеть Ленина, легендарного для Европы человека. Ленин принял его. Закрыл глаза, мы можем представить себе эту встречу. Быстрые и округлые движения Ильича, его прическу, сила его мимолетной улыбки, говорок, — быстрый, убедительный, неповторимый, сохраненный для нас в звукозаписи, — над раскрытой картой ГОЭЛРО. И суховатой-корректной апликации, считавший последней мудростью человека — сомнение, скепсис, вопрос «что есть истина?», уже заступающий в себе ответ: «истины не существует». Ленин видел то же, что и Уэллс, — страну в нищете и разрухе, но там, где англичанин мерещился конец, ему открывалось начало.

Уэллсу казалось, что для спасения России нужны английские фунты и американские доллары, и если их не дадут Англия и Америка, Россия предстанет погибнуть. А Ленин видел, как живая, много-

миллионная людская энергия поднималась в молодой советской стране, — эта энергия должна была заставить землю давать большие урожаи, должна была заставить задыхаться на земле заводские трубы. Должна была забить из земли нефть, должны были хлынуть потоки чугуна и стали, должны были взлететь самолеты. Вот что видел тогда оравный взор Ленина. И народ наш стал строить без английских фунтов и американских долларов.

Как первую любовь, вспоминаем мы Каширу и Волжострой. Память хранит вечный отблеск тогдашнего необъяснимого настроения — страстной жажды создать само, видеть и описывать создаваемое.

Помню, в 1932 году, в швейцарском санатории, профессор Бингсвангер сказал мне: «Вы хотите меня уверить, что вышлю трудящихся добровольно, отдадут себя с несмысленной щедростью, но почему, почему? Ведь не свойственно человеку не быть эгоистом, не думать о себе?»

Хочется ответить на это сейчас всем ярким опытом прошедших тридцати лет: да ведь мы именно думали о себе, инстинктом творца, великим счастьем создателя, — так отдает себя мать, рождая ребенка.

Бессознательно для одних, полусознательно для других, прозрачно ясно для третьих, народ наш впервые отдавал свою энергию не в пустоту, не в карман тунеядца, не в бездумное сито, не туда, откуда он лично ничего не получил бы назад, и даже имени своего на солидном, сотворенном, обработанном не смел бы поставить и сохранить, — а отдавал ее плодотворно, сохраняя, целостно, не уворовано. Отдавал себя и детей своих на родную землю.

2.

Огромное влияние любви народной окружило гробницу Ильича; и в накале этой любви, в прозрачной тишине слышимые за тысячи километров каждым советским сердцем прозвучали великие слова сталинской клятвы.

Сохранить Страну Советов, сделать ее сильной и крепкой, способной оборонить себя от врага, — значило не только спасти нашу молодую республику, но и спасти дело коммунизма для всего человечества. Для такого дела надо было уметь видеть далеко вперед! Надо было быть Сталиным.

...Помню весну 1929 года. Я ехала тогда из Москвы на юг. В вагоне со мною возвращались делегаты с какого-то съезда или съездов. Они вошли в вагон, яростно спорили, продолжали спорить весь день, и даже вечером, когда проводники разносили по купе мешки с постельными бельем, они все еще спорили, топясь и дымя в коридоре папиросами.

Я прислушивалась с интересом, и проводники, останавливаясь, тоже стали слушать. Впервые тогда прозвучали для меня во всей их значительности смутные названия: Кузнецк, Магнитная... Они проносились остро, дискуссионно. И люди горячо обсуждали пути и огромным вершинам, выросшим внезапно перед ними на горизонте: Кузнецк, Магнитная.

Мерилом нашего нравственного поведения стала слова Сталина, сказанные им на апрельском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 году. Нам, людям искусства, они дали образ, ставший ориентиром в изображении передового советского человека. Сталин сказал:

«Видели ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? Их выдал не раз. Вызвет, что одна группа рыбаков перед лицом наступающей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведет лодку навстречу буре: «Держись, ребята, крепче за руль, бережись, ребята, крепче за руль, бережись, ребята, наша возьмет!» Но бывает и другая группа рыбаков, которые, чужая буря, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: «Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег».

«Режь волды, наша возьмет!»... Наш народ пошел навстречу буре. В печати утвердились боевые слова: «штурмовать», «наступать», «теплым», «ударником». Преобразование страны стало видно всем, — выросли промышленные окрестности крупных центров, появились новые города, замескали машины на улицах и похорошели сами улицы. Исчезли меж и полосы на полях, зазеленели входы, царственно заступая по полям трактор, взяли под облака самолеты.

Каждый из нас по высокому подвигу, по крылатой и легкой для себя самоодобренности ощущал силу производимой народом работы, ее стремительный напор в будущее. Мы начали обгонять время, задерживая годы молодости, побеждая хронологию. Гиганты на горизонте становились явью. И человек так устроен, что к самому, казалось бы, фантастическому еще вчера, а ныне уже созданному, он привыкает с мгновенной быстротой. Тайственные еще недавно Кузнецк и Магнитка так скоро вошли в наше сознание, что многие из нас уже потеряли в памяти время, когда их не было.

Во второй пятилетке мы перестали ввозить тракторы и сельскохозяйственные машины, металлы и хлопок, — у нас стало достаточно своего.

К концу третьей пятилетки наша промышленность выросла еще в полтора раза по сравнению со второй, и мы за один месяц стали давать, пожалуй, столько, сколько старая дореволюционная русская промышленность создала за весь 1913 год. Но одновременно с этим количественным ростом и укреплением нашей Родины все яснее проступало качественное начало этого роста. Самые отдаленные друг от друга объекты, казалось бы, ничем не связанные, обнаруживали свое место в общем чертее, вливающие в цель всех других стоек лодкой широкого обшего плана.

Благодаря части нашего Союза, отдельные республики и области за эти годы развивали свои металлургии, свои топливные ресурсы, осваивали свои недр, создавали свою энергетку. Но чем решительнее определялась эта самостоятельность отдельных частей, тем ярче и сильнее вела она к мощной связи всей страны в организованном единстве.

Если бы на Востоке не была создана могучая металлургия, если бы наши геологи не открыли в стране необходимых для промышленности и сельского хозяйства ископаемые, если бы железные дороги не поднялись к росту промышленности, не создали несмысленного нигде, кроме нашего Союза, оборота вагонов, мы не смогли бы победить в Великой Отечественной войне и сейчас же после войны начать победное шествие новой пятилетки.

Находятся еще странные люди, — их правда, все меньше и меньше, кто продолжает еще думать по-старинке, как думали в России конца девятнадцатого века, что «заграница» выше нас технически. Они делают фетиш из западной цивилизации, часто принимая за признаки цивилизации нарядные обертки, прикрывающие недовротность и порочность содержания. А если всмотреться в суть, в непрекращающийся у нас поток народного творчества, в то, что можно назвать широтой и глубиной народного ума, отраженного в создаваемых народом предприятиях, мы увидим, насколько мы пошли вперед. Возьмем такой показатель, как железнодорожный транспорт. Когда всталась задача реконструировать наш транспорт, доставивший нам от старого режима, мы обратились к «заграничным» образцам. И оказалось, что «переломали» зарубежная железнодорожная техника не годится для наших условий.

Советским конструкторам пришлось искать свои собственные пути. И мы нашли их. Мы создали свою автоцепочку, свои автоматические тормоза, свой путеукладчик. В то время, как некоторые наши странные граждане завистливо восхищались заграничной угажкой, сама заграница весьма завистливо и весьма пристально разглядывала то, что мы делали на транспорте. А мы делали еще в 1924 году, и сделали первый в мире тепловоз. О нашей скорости оборота вагонов за рубежом и мечтать не смеют. О количестве наших электрифицируемых линий Америка и во сне не помыслит. И, наконец, наши советские ученые создали, впервые в мире, новую науку об эксплуатации транспорта, такую науку, которой нет нигде на земном шаре.

Мы многого добились за тридцать лет и еще большего добьемся, шагая вперед и поднимаясь выше.

3.

Главная наша сила — новый советский человек, человек сталинской эпохи. За тридцать пройденных нами лет советский рабочий не просто отдавал свою энергию великому делу; он непрерывно учился и учился отдавать ее наиболее целесообразно. Еще не написана история роста нашей производительности труда за тридцать лет, а это увлекательно, как роман.

Сперва человек стал трудиться ударно, стремился показывать лучшие качества работы, т. е. большую степень упорства, напряжения, старания, услия в обычной своей работе. Слово «ударник» вошло в бытие. Потом выступил Алексей Стаханов. Имя его стало нарицательным. На протяжении нескольких лет стахановское движение показало у нас все виды и способы приложения мысли к труду в любых конкретных условиях. Рабочий стал подгонять конструктора.

Единичный опыт быстро вызвал типовые изменения. Родилось у нас движение тысячников, людей, сумевших за смену дать десят и больше норм. Они тянулись, подтаивали за собой остальных. Это была борьба с неподвижностью нормы, борьба за все новый и новый подвиг свободного труда. Рабочие начинали выдвигать встречные планы. Они как бы говорили государству: «Ты нам говоришь: «Дай столько-то», а мы тебе отвечаем: «Далим больше»».

Это разговор на большую советскую нигде и никогда в мире не могло бы возникнуть такого разговора между хозяином и подневольным рабочим.

А дальше встал вопрос о принципе планирования. На московской обобщенной фабрике «Ларижская Коммуна» закрылщик Василий Матросов залукался над странным фактом: одни рабочие работают очень хорошо, а другие иногда не выполняют плана. Но когда кончается месяц, квартал или год, предприятие в целом празднует победу — выполнение плана. Как же не выполняются нормы? Они тоже празднуют, но почему, кто украл их от глаз? Оказывалось, они укрывались за средней цифрой...

Средняя цифра давала возможность сравнить труд оставшихся с горячим и умным трудом других. И рядовой рабочий залукался над тем, чтобы люди не пряталась работа по лучшему, а не по худшему. Так родилось новое движение, движение масс в коллективно-активных участников выполнения первой послевоенной сталинской пятилетки. Каждым из гениальных откровений народа в процессе его трудового творчества поднималась у нас все выше и выше производительность труда.

В мире капитала эксплуататор копил деньги за деньгой, и ему все мало! Его денюга — это стукот энергии, уворованный у рабочих людей. Это — молоко, отнятое у ребятишек; школа и книга, похищенные у молодоты; больницы и лекарства, санаторий и свежий воздух, отнятые у здоровых; хлеб, крыша, тепло и отдых, отнятые у трующей священной старости. Зарубежные рабочие должны кормить и блатовать гнусного тунеядца, уможать его безделье.

В нашем мире свободного труда мы отделим наш труд, нашу светлую мысль, нашу творческую инициативу непрерывно вливаем вперед и вперед, росту всего того, что служит и будет служить нам и делам нашим.

Не нашримо пробдем мы по земле. С песней будем рассказывать наши потомки о том, как мы, зачатники, прожили свой век. Не печатят ни наши усилия, ни память о нас из общего дела в памяти поколений, потому что дела наши и услия впады в чертж и форму, в камень и цемент, в материальные и культурные ценности нового общества, построенного нами под руководством Иосифа Виссарионовича Сталина.

Плакаты работы художника В. Задорожного, выполненный Киевским издательством «Мистецтво».

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Послание на дальний Запад

Растасуйте карты, джентльмены, Чокайтесь с победой! Павший в битве ждал от вас измены, Именно вот этой.

Кем бы ни был парнек из Глазго, Мальчуган из Фриско, Он оглох от пушечного ляга, Он зарыл не близко, Голосуйте скопом, скиньте шляпы, Кепки и платочки, Вбейте пачки долларов, как клэпы, В человеты глотки!

Кем бы ни был, под какими бы лаком Ни переничен, — Павший в битве хорошо оплакан, Хорошо оплачен.

Но постоите! Где-то там внизу, В жарких трюмах, в конце каргок, Люди, пережившие грозу, Засветили заплочен огарок И читают по складам слова: Правда, Советь, Мужество, Москва, Сколько их? — Сочти песьки в саваннах, Волны в океане голубом, Будущего хочет, а не бомб! Все они, в любой своей отчизне, Жаждут жизни, Все они, от Андов до Памира, Жаждут мира, Это не забытое в бараки Пушечное мясо, Не натренированная в драке Избранная раса, — Это ЛЮДИ. Самое простое, Самое святое.

Дальше, дальше, Что там вперед? Погоди грустить или веселиться, Если ты История, гляди, Пристальнее в человеты лица, Если Песня, вслушайся в полет Времени зменого и — вперед! Ибо мудро выдуманное время, Это кислород, а не иприт, Это смачный в ясной теореме Сердца человетского ритм, Это утро! Вот в какое время Сталин с нашим «веком» говорит.

Константин ФЕДИН

Молодость и сила

Будущее для нас — молодость и сила. Алексей Толстой.

Советская культура празднует тридцатилетие своего существования. Это — половина человеческой жизни. Не только не ушло, но здравствует и трудится поколение, которое училось, работало и боролось в старой России. А между тем перед лицом истории стоит сейчас преобразенный народ на преобразенной земле. За краткий срок человеческой жизни произошло исчезновение былого и рождение совершенно нового общества.

Взятый безотносительно, срок этот не так, конечно, мал. В прошлом, в известные периоды обновления общества, также происходили громадные перемены на протяжении двух-трех десятилетий. Так было на рубеже семнадцатого и восемнадцатого столетий в России Петра. Так случилось на рубеже последующих столетий в револуционной Франции. Однако в зарождающемся новом обществе сохранились тогда не только отдельные черты изжитого прошлого, но самые основы, краеугольные камни предшествовавшего строя — труд подчинился золоту, и власть принадлежала золоту. Святыни покоились в своих алтарях. Лак, которым их освежали, улетучивался.

Советское тридцатилетие по глубине совершенных революцией перемен не сравнимо с другими периодами истории. Аналогий для него не подберешь. Оно пока единственно, и когда, в будущем, станут искать обозначение для великих преобразований мира, мысль неизменно будет возвращаться к Октябрью.

Способность произвести за столь короткое время столь могучее переустройство всей культуры говорит о силе, молодости народного гения.

Алексей Толстой, поднося мне, в разгар войны, свою трилогию «Хождение по мукам», сделал такую надпись на книге: «...в память прожитых лет, и с твердой уверенностью, что будущее для нас — молодость и сила...» Это отлично характеризует большое советское писателя, но еще лучше характеризует советское общество.

Молодость и сила были той живой водой, источником которой наполнял здоровым строителем социализма в нашей стране. Молодость и сила остаются у нас этой живой водой и вперед. Недаром первые свои странички революционная эпоха заполнила декретами о народном образовании, об охране детства, материнства, недаром комсомолу так много отведено места в повзду.

Прежде неизвестные, либо редкие явления общественного порядка сделались простым выражением нашего нового быта. Появился необычайный интерес к технике. Увлечение к науке стало всеобщим, ее авторитет очень высок. Лекционные аудитория так же переполнены народом, как выставки, галереи, театры. Кино не может

Тридцать лет — это ничтожно мало и вместе с тем бесконечно много. Для государства это мало. Для человека — более половины сознательной жизни. И все же, когда я — человек и гражданин — думаю о советской власти, у меня нет ощущения долговечности. Это происходит потому, что советская власть гораздо шире общепринятого понятия государственной формы.

Советская власть не только форма государства. Она также и моральная категория.

Гоголь говорил о «душевном городе». Мы должны говорить о «душевном государстве», о «стране нашей души», где личность советского человека и советского гражданина не противопоставлены друг другу. Они слиты воедино не только во времени и в пространстве, но — это главное — в великом и вечном чувстве мировой справедливости.

Есть люди, которые не могут вырваться из плена древних представлений о природе человеческого общества.

Одни из них изображают советское государство, как некое новейшее повторение Римской империи с медными табличками его схиастических законов и человетической личностью, раздвоенной беспощадной стальной невежеством, но высокого мерного центуриона.

Другие представляют советское государство, как громадную религиозную общину — скорее, секту людей, исповедующих коммунизм, как некую новейшую, универсальную форму христианства.

Добрые люди могут вызвать только негодование или жалость. Их ум крепко привязан к привычным категориям.

Советский Союз — не Рим, а коммунизм — не религия. Нет ничего более противоположного и враждебного по духу, чем идея грубого, низменного римского государства цезарей и патришев, основанного на рабстве, и идея свободного союза свободных советских народов, основанная на политическом и моральном равенстве свободных людей, занятых свободным создательным трудом для общего блага. Христианство — жалкая религия отчаяния и бессилия. Идея коммунизма основана не на мистическом представлении о мнимом бессмертии человека, а на отрицании права угнетения человека человеком, на отрицании рабства в любой форме, на утверждении права каждого человека на свободу, независимость, счастливую жизнь.

Два гениальнейших человека всех времен и народов — Ленин и Сталин — построили на земле совершенно новый — принципиально новый — небывалый тип советского государства, и — это главное, — они вдохнули в него чистую молодую душу коммунизма.

Что было бы с человетством, измученным противоречиями капитализма, доведшим до отчаяния от невозможности жить мирной, чистой, справедливой общественной жизнью, если бы не великая, вечная правда ленино-сталинского учения?

Мир должен был бы залезть в кровь в великих войнах или сойти с ума.

Но сила мирового общественного гения, нашего себе полное и совершен-

ное воплощение в личности этих двух, таких простых и вместе с тем таких сложных и необикновенных людей, вселила надежду на лучшее будущее, открыла мечту коммунизма, ибо коммунизм это прежде всего вечный мир.

Теперь эта мечта близка к осуществлению.

И мы, советские люди, будем первыми людьми на земном шаре, вступившими в асный и радостный мир бесклассового коммунистического общества.

Как ничтожны мелкие добродетели христианства и жалкие пороки язычества, по сравнению с тем пониманием добра и зла, которому научила нас советская власть.

Мы научились писать Добро и Зло с большой буквы.

Мы знаем, что такое мировое Зло и что такое мировое Добро.

Советская власть есть благородная и вечная борьба мирового Добра против мирового Зла.

И мы знаем: Добро победит.

Вот почему все темные силы мирового Зла так яростно ополчились на нашу молодую республику общечеловетической правды — правды Ленина и Сталина.

Иногда я думаю, что было бы со мной, что было бы со всеми нами, если бы в мире не было советской власти, «страны моей души».

И мне становится страшно.

Мне становится душно до обмороча от одной мысли, что надо снова дышать темным, смрадным и неподвижным воздухом старого, рабского мира, без надежды на освобождение.

И как хорошо бывает снова и снова подной грудью вдохнуть свежий, сильный воздух нового мира и услышать ту музыку мировой гармонии, о которой так тосковали лучшие люди прошлого.

Если бы мне каким-нибудь чудом вернули мою молодость и сказали:

— Перед тобой опять твоя жизнь. Ты властен сделать ее такой, какой пожелаешь. Приказывай. Все будет исполнено по твоей воле. Хочешь быть знаменитым, сказочно красивым, несметно богатым? Хочешь свободно путешествовать, наслаждаться любовью красивейших женщин, писать гениальные поэмы, повелевать народами? Все это делается по одному твоему мановению, но только при том условии, что ты навсегда останешься по «ту сторону», т. е. в старом, обветшалом мире бедных и богатых, сильных и слабых, господ и рабов, белых и черных, и никогда не будешь дышать воздухом коммунизма, никогда не услышишь музыки мировой справедливости...

То я бы ответил:

— Нет. Ничего мне от вас не нужно. Пусть я лучше останусь такой, как я есть, и таким, каким я был. Пусть я лучше еще раз переживу мою чудесную нищую молодость, овеянную октябрьскими бурями. Пусть лучше я еще раз переживу мою бесподобную, трудную, сложную — и трижды благословенную! — зрелость. И пусть я опять останюсь на пороге старости и снова увижу так близко перед собой зарю коммунизма. Отойдите. Не заслоните от меня солнца.

о Шелехове — герое романа А. Малышкина «Севастополь», о Левинсоне, о Рошине и Телегине, о Павле Корчагине и Олеге Кошевом. Борел и строител советской действительности в книгах нашего писателя предстает все более глацистичным, все значительно помогает увидеть и понять этого борца и строителя в жизни.

Еще до возникновения плана издания избранных произведений советской литературы за 30 лет Фадеев сказал мне, как он однажды был поражен, пересторев основные произведения крупных советских писателей: оказалось, в своих книгах они коснулись почти всех главных сторон советской общественной жизни от Октября до Отечественной войны. Это правда. Сейчас, когда издание такой серии в его книге осуществляется «Советским писателем», читатель сможет легко окинуть взглядом всю картину созданных нашими писателями образов.

С большой выразительностью и верною правде, различными индивидуальными средствами, во всех мыслымых жанрах наша литература показала человека, отступающего с оружием в руках Октябрь, создающего Днепротоз, громающего немцев под Сталинградом. После войны вливаются в писательскую среду новые авторы с драгоценным жизненным опытом, приобретенным на полях сражений. Это свежие резервы молодоты и силы.

Недавно Союз писателей устроил, в связи с тридцатилетием Октября, литературный вечер в концертном зале имени Чайковского. Устроители вечера рассказывали, что по привычке своей тревожной профессии они беспокоились за продажу билетов — она шла довольно вяло. В день концерта произошло чудо: в течение двух-трех часов были буквально расхвачены все билеты от самых дорогих до захудалых. А народ шел и шел. На площади Маяковского стояли теплы люди, выстраивая друг у друга «билетик», правдами и неправдами стремясь в зал. Это обычное «чудо» литературных вечеров.

Я смотрел на лица, заполнившие зал. Около двух тысяч человек в необыкновенной тишине слушали стихи и прозу. Как-то были лица, сколько оттенков чувств выражали они попеременно, как жила мысль в эти минуты в этом зале! И что за множество неповторимых биографий стояло за печатями этих двух тысяч человек разных национальностей, не похожих одна на другую профессий, военных и штатских, деупеж, женщин, юностей, мужчин! Это был подлинный концерт — созвучие многих и многих желаний и в единство мысль исполнителя и восприятие слушателя.

Не таким ли созвучием представляется наша страна, где труд и творчество каждого принадлежит всем? И не правы ли мы, с убежденностью повторяя, что будущее для нас — молодоты и сила?

Парк нашего посольства в Тегеране В июне пуст. Распалден тишиной.

Прохлада, точно вылетев из клетки, Консится противомоскитной сетки, Под окнами чинарой покачав.

Как в черном кокоене, под пыльной пальмой, Ребенка, многогоно и печально, Баюкает на знойном пуйстере.

И лишь потом (как терпеливо ждал он) Ее крестыни-перс к себе увел...

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Леонид ЛЕОНОВ

По слухам, на далеком Западе первую минуту повогодней встречи принято удерживать молчанию.

Строить все, от соотношения движущихся частей в человеческом характере до своей экономической географии.

Итак, мы роились в непогодную ноябрьскую ночь. Не в блаженных рождественских яслях и не из пены морской.

Итак, мы роились в непогодную ноябрьскую ночь. Не в блаженных рождественских яслях и не из пены морской.

Итак, мы роились в непогодную ноябрьскую ночь. Не в блаженных рождественских яслях и не из пены морской.

тали утопности и всякие моральные реформаторы. Однако мы не замыслили крестовых походов на утверждение своего догмата.

Вот наши дела и вера, — все остальное определяется враждебностью среды, в которой мы оказались с первой же минуты нашего возникновения.

Когда рассеялся дым войны, стало ясно, что фашистское шествие на Восток было их самой решительной атакой.

О тех речях, кому для равновесия след хотелось бы сохранить истребительный германский механизм (которые и Гитлер прервал тем особым презрением, каким награждал палача, потерпевшего фиаско при наличии столь отточенного инструмента).

Фашизм не убит, он уполз в другую пору, — и пусть свободомыслящие народы парят у себя за паузой! Опять и опять рыжая ведьма крутит свою шарманку.

Мы свободомыслящие народы парят у себя за паузой! Опять и опять рыжая ведьма крутит свою шарманку.

Полная истинный смысл этой незамысловатой игры, указанные белорусский колхозник и домоченец с Урала говорят своим старым знакомым.

— Не трогайте нас, это сопряжено с ненужными и обидными последствиями. У нас много своих, засушенных забот, но, сердясь, мы забываем все, включая жизнь.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ КОНЕЦ И НАЧАЛО

Шенгаер пророчил сумерки Европы после первой мировой войны. Это было в действительности сумерки империалистической Германии, наступившие вскоре в фашистскую ночь.

Эта литература смертников не прекращалась в Западной Европе, и ныне она с особенной навязчивостью предлагает читателю свои покорные услуги: разрозненные сборы, поэтические венки, траурные автомобили последней марки.

Смертники философии и литературы оплакивают человечество. Они отрицают все живое в нем, все разумное. Они славят гниль и бессмыслицу. Они «славят» самих себя, принимая свое собственное существование за норму для человечества.

Разлозило пессимистическую литературу на Западе соответствие, как противуположность, рожденная жизнью. — расцвет советской литературы. Она пронизана солнцем, радостью борьбы за человека, верой в торжество разума и счастья.

Мы не критикуем философию и искусство смертников, — они этого не заслуживают. Мы вскрываем причину их тагетного существования. Единственный метод анализа произведений Сартра и ему подобных, это метод патологической анатомии в литературе.

Буржуазная философия возрождает культ Фомы Аквинского и других отцов средневековой церкви. Это закономерно для конца капиталистической эпохи.

Это была интересная эпоха. Образованные монахи оплакивали грешное человечество, предавали страшный суд и концы земного мира, казнили и проклинали, призывали все человечество покаяться и готовиться к последнему часу.

крупными коммерческими предприятиями с центральными складскими местами в Риме. С первыми песнопениями смешивались юмористические и сатирические песни народов во всех концах Европы.

Феодализм обрушился с грохотом. Провалилась в тартарары, правители первой-классной державы, господствующей военно-феодалной Испании были убеждены, что приходит конец мира.

Капитализм обваливается с грохотом, несравнимым с тем всемирно-историческим шумом, с каким обрушился феодализм. Что такое англо-испанская война XVI века, полюбившая коню испанскому господству над Европой, в сравнении с мировыми войнами XIX века?

Капитализм издыхает в грохоте и гуле нашей эпохи, и что бы он ни предпринимал для своего спасения, — все лишь приближает его неизбежный конец.

Победа во второй мировой войне не порадовала идеологов империализма. Мы видим их надгробные лики. Они воят злобно и изрыгают брань по адресу советской демократии.

Вторая мировая война завершилась победой союзников и новым расширением бреши в капитализме. От него отвалились огромные куски в Восточной Европе.

Герцен писал 60 с лишним лет назад, глядя на современную ему Западную Европу: «Куда я ни смотрю, я везде вижу седые волосы, морщины, сгорбившиеся спины, завешанная, итоги, выносы, концы, и все вшну, шшу начал, — они только в теории и отвлеченных».

Начало и конец сошлись в идеологической борьбе двух лагерей — империалистического и антиимпериалистического, с одной стороны, антиимпериалистического и демократического, с другой. Могу ли смутить нас, строителей и защитителей новой эпохи, озлобленные крики и дикие угрозы поджигателей войны? Они умирают, мы растем.

Исторические войны народы Англии и Франции стали предметом бесчестного торга между правительствами этих стран и американской финансовой биржей. Бевин и Бидо за доллары отдают суверенитет, но всего золота США хватить на то, чтобы превратить английских и французских рабочих в солдат, готовых умереть за дивиденды международных картелей.

На Генеральной Ассамблее представители начала и представители конца скрестили идеологическое оружие. Вышиский победил. В его речах была противников не только несокрушимая аргументация марксистско-ленинской науки общественного развития, но и сверхакая сатирическая насмешка над беспомощными, ханжескими лицемериями, живыми аполотетами реакции.

То же происходит во всех идеологических столкновениях двух лагерей, на которые разделился наш мир. Начало новой, социалистической эпохи торжествует над концом старой, капиталистической. Мы горды и счастливы тем, что живем в такое время, участвуем в торжестве начала и помогаем загнать в могилу упертую и сопротивляющуюся, заживящую на земле капиталистической строй со всеми его жалко гниющими философами и писателями, хулиганскими и поэтами.

Начала были уже тогда в теории Маркса, в первых социалистических программах рабочих партий. Начала воплотились в жизнь 30 лет назад в Великой Октябрьской социалистической революции, они растут и побеждают в действительности нашего времени, в сталинских пятилетках в нашей стране, в социалистической работе трудящихся в странах новой демократии, выражаясь советским народом по волчьей пасти капитализма, в советской литературе и в советской науке, в творчестве народов славянских стран, в великом шестом социальном демократическом народе вперед, к вершинам культуры, к коммунизму.

Время от времени непонятное зарево затопляет землю, и горелый трупный смрад шлейфом несется за нею по вселенной. Некоторые предположили, что происходит крупная заготовка говядины, но никто не сумел объяснить, почему люди так сосредоточенно занимаются самоистреблением, это уже не диктуется проблемами ширпотреба и продсодвижения, как во времена Монтегуми, когда враг рассматривался, как источник обмундирования и вкусное питательное блюдо.

Следует предположить, что какая-то лихорадка переважающего безумия гложет человечество, ибо немалыми в заравой памяти стрелять по счастью из пушек. Печальнее всего, что потенциал разрушения на наших глазах грозит черерастить ваш созидательный потенциал. Выгадите, к примеру, на этого пожилого господина по ту сторону большой воды, который водовосвешенно размахивает каким-то исключительно опасным предметом, грозя проткнуть вашу планету в звездочку олимпиадотой величинами. О, мы готовы потесниться на небосклоне ради новой сестрички, но это лишнюю бы нас любимого зрелища... Тогда нам пришлось бы погаснуть со скуки.

Итак, здесь потребовался бы краткий и упрощенный (применительно к снательной, но необразованной аудитории) семинар по истории спирного пелуга, пароксизмами которого и является как раз война. Его микро живет в полудой страсти к накопанию за счет ближнего. Раньше, когда все было попроще, это называлось кражей, обвориванием, аскамотажом, то-есть присвоением чуждого добра с помощью ловких манипуляций. Со временем искусство ограбления ближних доведено было до совершенства, тогда это стало называться капитализмом... Рассказ охватил бы длительный период — от рабства, когда жертву за шею прикрепляли к жернову в подземелье и путем регулярных ударов по голове выколачивали из нее живительный сок, — до нынешних картелей и монополий, где приравненная стоимость отбрасывается в хорошо проветриваемых заведеньях с помощью современных аппаратов экономической логики. Война, если только это не святая обидительная война, есть лишь укорененный процесс, в котором желательный продукт, известный под именем золота, своим ходом перегоняется в желтый неокисляющийся металл с удельным весом 19,32, а отходы производства, известные под названием трупы, тут же, на месте, зарываются в землю...

— Значит, этот микро принадлежит к породе неуловимых вирусов, если люди не могут изобрести фильтр для него? — спросили бы звезды, недоверчиво переминувшись.

— Нет, — ответил бы мы, — он виден невооруженным глазом. Некоторые из этих вирусов даже благообразны и почти не отличаются от обычного человека.

— Значит, их — миллионы? — Нет. Они известны все наперечет. Кроме того, их меньшинство имеет заметную тенденцию к уменьшению, тогда как большинство неуклонно возрастает.

— Значит, из стали их неуловимые тела? — Нет, они сделаны из обычного материала. При прямом попадании они пахнут так же, как и их жертвы.

— Но, по крайней мере, они дрожат перед Градусом? — Да.

Мы поведали бы эту грустную земную повесть без риска потерять уважение слушателей, потому что один, довольно внушительный, кусок земли людям удалось стерилизовать от постыдного микроба. Сверху мы указали бы звездам на обширную страну, где творческое большинство репилось не только добывать справедливо распределенная житейский благ, но и устанавливать в собственной державе порядок, за который не было бы стыдно перед звездами. Для этого ему потребовалось пере-

